

Роль Германии в завершении советско-финляндской войны 1939 - 1940 гг.

Германо-финские отношения в годы «зимней войны» уже привлекала внимание историков /1/. Затрагивались они и в воспоминаниях немецких, а также финских политических и государственных деятелей того периода /2/. При этом, однако, до сих пор остается достаточно спорным определение роли Германии в процессе достижения мира между СССР и Финляндией. Так теперь, спустя более пятидесяти лет после окончания Второй мировой войны, в финских научных кругах разгорелась острая дискуссия по поводу значения позиции Германии при принятии финским руководством решения о настоятельной необходимости окончания т.н. «зимней войны» /3/.

Профессор хельсинского университета Х. Юликангас, стараясь разобраться в причинах, почему в конце «зимней войны» Финляндия «отвергла предлагавшуюся западными державами военную помощь и отдала предпочтение явно тяжелому для страны миру», пришел к выводу, что это было следствием «веры» среди финского руководства «в победу Германии в ходе мировой войны и неизбежности в поражение западных держав» /4/. Германия же, как свидетельствовали имевшиеся в распоряжении исследователя финские источники, советовала тогда Хельсинки стремиться поскорее завершить войну. Более того, в рейхе утверждали, что Финляндия «с победой Германии в войне, получит с лихвой обратно то, что потеряла». Конкретно, эту информацию передал своему руководству финский эмиссар в Берлине Т. Кивимяки после произошедших у него 22 февраля 1940 г. переговоров с Г. Герингом/5/. В результате, учитывая факт быстрого затем окончания «зимней войны» и последовавшего далее участия Финляндии в германской агрессии против Советского Союза, возникало соответственно предполо-

жение, что финское руководство тогда посчитало возможным, воспользоваться таким советом исходящим от Геринга, что и привело к решению принять советские мирные предложения об окончании войны в расчете на будущий реванш.

Естественно, столь серьезное утверждение требует продолжения всестороннего исследования финско-германских отношений периода «зимней войны», поскольку может позволить понять природу начавшихся затем тесных тайных контактов между Германией и Финляндией и объяснить то, почему, спустя чуть более одного года после завершения «зимней войны», Финляндия и Германия, действуя уже как военные союзники, совместно нападут на СССР.

Действительно, ситуация между Финляндией и Германией в момент начала «зимней войны» складывалась парадоксальная. Несмотря на весьма неплохие контакты, которые существовали у двух государств в 1920 - 1930-ые гг. и даже явные надежды финского руководства на возможность получения поддержки в случае возникновения военного противоборства Финляндии с СССР /6/ никакой реальной помощи с началом «зимней войны» Хельсинки из Берлина не получили. Как отметил немецкий профессор М. Менгер, «в то время, когда в Великобритании, Франции и США бушевал антисоветский шторм, побивший все рекорды, фашистское руководство демонстрировало явную сдержанность» по отношению к возникшей тогда ситуации на севере Европы /7/.

Очевидно, что подобная политика Германии являлось следствием содержания секретного приложения к договору о ненападении, подписанному с СССР 23 августа 1939 г. Этот документ, несомненно, тогда затруднял в начавшейся «зимней войне» возможность открыто выражать нацистским руководством поддержки Финляндии, поскольку ставил «немецкую политику в финском вопросе в относительно тесные рамки» /8/. Тем не менее, в Берлине продолжали видеть в лице СССР потенциального врага, а договор о ненападении с Советским Союзом означал, как подметил М. Менгер, лишь то, что «для Германии

это была только перемена тактики и не означала никакой одноцветной стратегической ориентации» /9/.

С другой стороны, рейху было важно проводить крайне осторожную политику, придерживаясь весьма нейтральных оценок возникшей войны, еще и в виду того, что страна сама тогда уже воевала против Великобритании и Франции. «В немецкой политике по отношению к войне между Финляндией и СССР, - справедливо указывал известный финский историк, профессор О. Вехвилайнен, - преобладал такой фактор, что пока будет продолжаться война на Западе, она не сможет идти на риск какого-либо конфликта с Советским Союзом» /10/. В результате в циркуляре статс-секретаря МИД Э. Вайцзеккера, направленном во все зарубежные дипломатические представительства, давалась строгая установка: «Прошу в ваших разговорах, касающихся российско-финляндского конфликта, избегать какого-либо антирусского тона» /11/. Стало быть, даже моральная поддержка Финляндии в официальном порядке считалась в Берлине совсем недопустимой.

Естественно, такая сдержанная позиция с немецкой стороны была весьма ощутимой для Хельсинки. Но при этом в финском руководстве хорошо понимали, что «советский контроль над Финляндией не был в интересах» Берлина /12/. Так, собственно, считал крупный государственный деятель страны Ю. К. Паасикиви. Он не без основания отмечал: «Согласно нашей оценке, финская война не была для Германии желательной, а захват Финляндии Советским Союзом противоречил интересам Германии» /13/. Поэтому в Хельсинки прежде всего было важно добиться бóльшего в своих отношениях с рейхом.

Очевидно с этой целью в декабре 1939 г. в Берлин был направлен бывший премьер-министр Финляндии Т. Кивимяки. Итоги его визита стали тогда достаточно показательными. Он смог тогда наладить контакты с очень близкими к рейхсмаршалу авиации Г. Герингу лицами /14/. Это было очень важно для финского руководства, поскольку Геринг являлся одним из ведущих нацистских руководителей, курировавшим рассмотрение

скандинавских проблем /15/. Из результатов этих встреч стало все же очевидно, что Германия не хотела брать на себя функции мирного улаживания возникшей между Финляндией и СССР войны. Тем не менее Геринг смог все же намекнуть на возможность, в целях оказания ей помощи, наладить скрытые поставки немецкого вооружения /16/. Таким образом, Хельсинки дали почувствовать существование определенных симпатий к Финляндии со стороны Берлина.

Действительно, Г. Геринг был именно тем человеком в рейхе, кто активно выступал за необходимость активного вооружения финнов. Он считал, что его «нужно поставлять в Финляндию столько, сколько возможно без ущерба для безопасности Германии» /17/. Однако в Берлине по этому вопросу не было полного единства. В противовес этому в частности выступал министр иностранных дел И. Риббентроп, который явно опасался дипломатических осложнений с Советским Союзом в случае получения им сведений о немецких поставках оружия. Гитлер же допускал скрытую поддержку Финляндии, но при условии, чтобы это не повредило самой Германии /18/.

В любом случае, скрыто нацистское руководство находилось на стороне Финляндии. Как считали немецкие дипломаты, которые работали в Хельсинки, «Гитлер, так и его министр иностранных дел были полностью едины с Финляндией и с ее борьбой против Советского Союза» /19/. Тем не менее, в Германии все же существовало устойчивое мнение, что начавшаяся война не продлится очень долго и неминуемо закончится поражением Финляндии /20/. Это, естественно, требовало проявлять свои симпатии к Финляндии в крайне осторожной форме /21/.

Однако, как только в рейхе заметили, что войска Красной Армии стали терпеть военные неудачи, то начали проявлять заинтересованность, чтобы советские войска как можно дольше продолжали вести боевые действия в Финляндии. Подобные настроения, естественно, еще более усиливали желание Берлина скрытно переправлять Финляндии вооружение. Поэтому идея осуществления тайных военных поставок постепенно стала пре-

образовываться в рейхе в реальные действия. Конкретно, там видели возможность в ее реализации путем использования транзитного канала через шведскую территорию. По договоренности, достигнутой Герингом с представителями Швеции, решили, что Германия будет продавать Швеции свое оружие, а шведы в свою очередь такое же количество вооружения станут продавать Финляндии из своих запасов /22/. При этом, как свидетельствует Т. Кивимяки, в момент немецко-шведских переговоров Геринг «даже бил кулаком по столу, требуя, чтобы Швеция оказала помощь Финляндии и разрешила переправлять оружие из Германии» /23/.

Естественно, этот нюанс в политике Германии также достаточно быстро заметили финские дипломаты за рубежом. Тогда особенно обнадеживающие сведения начали поступать из финляндского представительства в Швеции, где указывали, что в Стокгольме «настроения быстро меняются» /24/. И по получаемым данным становилось ясно, что у Швеции, «если не воспрепятствует третье государство /СССР. - В.Б./, имеют условия для подписания договора о получении оружия из Германии» /25/. Более того, в рейхе опять начали звучать жесткие заявления по отношению к политике Советского Союза. В частности, А. Гитлер заявил, что видит «немецкую миссию в том, чтобы ликвидировать опасность с Востока» /26/.

Это не могло не обнадеживать финляндское руководство. Нацистский посланник в Хельсинки В. Блюхер в тот момент констатировал, что «среди финских политиков было много таких, которые довольно рано заметили, что усиление мощи Германии может быть весьма выгодным для Финляндии» /27/. К тому же, по наблюдению финских историков, на протяжении войны в кругах политического руководства Финляндии продолжали «выражаться надежды на разрыв между Советским Союзом и Германией», а следовательно Третий рейх также «в конце концов не оставит финнов» /28/. Подобные взгляды не скрывало тогда и само финское руководство. По мнению президента К. Каллио, Финляндия могла «надеяться на то, что душа

немецкого народа... выступает против большевизма» /29/.

В этих условиях, 27 декабря из Стокгольма пришло очередное послание финского представителя в Швеции Э. Эркко, в котором уже обозначались перспективы очередного этапа германо-финляндского сотрудничества. В нем говорилось: «Дела начинают понемногу спориться... Я вижу, мы получим в нынешних условиях все, что захотим». Эта констатация подкреплялась утверждением, что «формально позиция Германии проявляется в угоду России... однако, на практике таковой не является» и «чувствуется, как будто немцы серьезно готовятся к схватке с Россией... Конфликт будет» /30/.

Подобные сведения затем весьма регулярно начали поступать в Хельсинки /31/. Как справедливо отметил по этому поводу М. Менгер, «...такие намеки открывали для финского руководства первые, конечно, еще не твердые надежды на перспективу будущего развития» возможного военного сотрудничества с рейхом /32/. Хотя, безусловно, было еще рано предполагать, что Германия собиралась уже тогда прямо «использовать Финляндию в войне против Советского Союза» /33/.

5 января 1940 г. финский министр иностранных дел В. Таннер откровенно обратился к В. Блюхеру с вопросом: «Может ли правительство Германии дать нам какой-либо совет?» /34/. Этой просьбой, адресованной Берлину, в Хельсинки явно стремились определить будущие перспективы Финляндии, пытаясь разобраться в хитросплетениях немецкой дипломатии. Естественно, гарантировать военную поддержку Финляндии в это время рейх явно еще не мог. Даже Гитлер впоследствии признавал, что тогда в Германии должным образом «не смогли помочь» Финляндии, поскольку «это было невозможно» /35/. В итоге ответ немецкого дипломата был вполне прогнозируемый и соответствовал официально проводившейся в отношении начавшейся «зимней войны» немецкой политике. Блюхер твердо заявил, что «Германия не участвует в финской войне» /36/.

Таким образом, у Финляндии в данный момент могли сохраняться лишь надежды на получение скрытой немецкой

помощи. Да и они, как считали в дипломатических кругах страны, имели перспективы только на более отдаленный период времени, если вообще «не будут, - как докладывал Э. Эркко из Стокгольма, - слишком запоздалым» для Финляндии ответом на действия СССР /37/.

В целом финско-германские отношения в декабре 1939 г. - начале января 1940 гг. показали, что у Финляндии существует определенная возможность рассчитывать на тайную ее поддержку Германии в противодействии СССР /38/. Однако эта перспектива несколько усложнялась тем, что Англия и Франция, противники Германии по Второй мировой войне, также активизировали свою политику, пытаясь вмешаться на стороне Финляндии в возникшую конфликтную ситуацию на Севере Европы, использовал «зимнюю войну» для усиления своих позиций в Скандинавии /39/. Тем не менее, финский историк Р. О. Пелтовоури, который специально занимался немецкой внешней политикой в 1939 - 1940 гг., в своей книге «Германия и финская зимняя война», утверждает: «Едва ли для Гитлера было неприятным в данном случае вступление западных держав в войну против Советского Союза» /40/. Действительно, Берлин лишь только выиграл бы от такой ситуации, когда на Севере Европы - на территории Финляндии, разгоралась бы боевые действия западных союзников против СССР.

Но, естественно, с другой стороны, нацистское руководство ни в коем случае не хотело, чтобы английские и французские войска смогли окончательно утвердиться в Северной Европе /41/. Сведения же о намерениях западных держав осуществить десантную операцию в Скандинавии начали поступать в Берлин /42/, и это создавало там крайне запутанную ситуацию. В таких условиях немецкое командование также приступило к подготовке военной операции в Скандинавии, мотивируя это, как заявил Гитлер тем, что противник «будет готовиться распространить войну» на этот регион /43/. При этом речь не шла о переброске войск в Финляндию и оказание именно ей военной помощи. В Берлине стали обращать внимание, прежде всего, на

стратегические районы Норвегии. По мнению исследователя Б. Лидделл Гарта, «Гитлер, несмотря на неразборчивость в средствах, предпочел бы оставить Норвегию нейтральной и не планировать вторжение в нее, однако, явные признаки готовящихся враждебных акций союзников в этом районе спровоцировали его на этот шаг» /44/.

Таким образом, не имея больших опасений против разрастания советско-финляндской войны, даже, где-то в тайне удовлетворенной от перспективы участия в ней против СССР западных союзников, Германия крайне болезненно начала реагировать на намерения Англии и Франции утвердиться в Скандинавии, направив туда свои войска. Более того, естественно, немецкое руководство не было заинтересовано в усилении позиций западных стран в Финляндии, которое неминуемо могло произойти с появлением их войск на территории Северной Европы. В такой ситуации линия Третьего рейха в отношении Финляндии становилась крайне противоречивой и требовала выработки соответствующей четкой позиции.

Наиболее подходящей в данном случае для нацистских кругов, очевидно, оставалось стремиться к такому исходу войны, при котором, действующая самостоятельно Финляндия, неминуемо должна была рано или поздно проиграть ее, но не оказалась бы при этом полностью разгромленной. В Берлине, естественно, не хотели такого развития событий, когда Англия и Франция смогли бы воспользоваться складывающейся ситуацией и закрепились на Севере Европы, а Финляндия не попала бы под влияния ни СССР, ни западных союзников. В таком исходе Берлин вполне мог рассчитывать на сохранение в этой стране пронемецкого влияния, а также, что являлось не менее важным, чтобы в финском обществе развивались реваншистские настроения, которые затем можно было бы использовать в случае начала Германией своей войны против СССР.

В условиях же явного провала в осуществлении наступательных планов советских войск в декабре 1939 г. и начала с января 1940 г. позиционной войны, открывались перспективы

надеяться, что подобная стратегия вполне могла немецкими политиками быть реализована. Что же касалось возможности окончания этой войны, то здесь, Германия готова была оказать Финляндии поддержку «в плане достижения мира», но только, как заметил Р. О. Пелтовуори, «на поздней стадии», когда могла «возникнуть опасность разгрома Финляндии» /45/. Не случайно поэтому Блюхер в начале января 1940 г. заявил Таннеру, что «настоящий момент неудачен для начала переговоров» с СССР об окончании войны /46/. Чуть позже, 19 января, этот немецкий дипломат уже довел до сведения Вяйно Таннера официальную точку зрения своего руководства. Он сообщил: «Германское правительство считает, что в настоящий момент не существует перспектив для улаживания конфликта» /47/.

Данное заявление вполне укладывалось в стремление Берлина не форсировать процесс мирного урегулирования отношений между СССР и Финляндией. Но при этом там, очевидно, учитывали и запасной вариант развития событий, связанный с перспективой возможного разгрома финской армии. Поэтому уже тогда нацистские дипломаты предприняли ряд попыток прощупать у руководства СССР дальнейшую возможность достижения мира между двумя странами. Немецкие представители поднимали этот вопрос в Москве, но и обсуждали его параллельно с финским руководством /48/. Кроме того, тогда же по всему миру поползли устойчивые слухи, что Германия якобы готова выполнить роль посредника в деле окончания советско-финляндской войны /49/.

Однако, вскоре стало известно, что при посредничестве Швеции, Финляндия уже самостоятельно установила мирные контакты с Советским Союзом. Получив об этом соответствующую информацию, в рейхе, очевидно, вполне удовлетворились подобными сведениями /50/. Достаточно обнадеживающими были для Берлина и сообщения, которые поступали из Москвы. Так, 25 января В. М. Молотов прямо заявил немецкому послу графу Ф. Шуленбургу: «Нельзя указать день, к которому уладиться вопрос с Финляндией, однако... долго это дело не затя-

нется» /51/.

В такой ситуации в Германии могли лишь выражать явное неудовольствие тем, что финское руководство параллельно с перспективой окончания войны также продолжает стремиться получить военную помощь от стран Запада. В органах массовой информации рейха, по наблюдениям дипломатов Финляндии, тогда явно стремились «представить финскую войну, как провокацию Англии и как ее попытку расширить театр военных действий на Северную Европу» /52/. Немецкие же представители, также откровенно выражали свое неудовольствие финской политикой контактов с Западом, демонстрируя, таким образом, отношение Германии к данному процессу. Так посланник в Хельсинки В. Блюхер крайне недоволен в это время заметил Таннеру, что «правительство Финляндии колеблется между двумя альтернативами: заключение соглашения с Советским Союзом и получения помощи западных держав», то есть от противников Германии /53/. Вторая «альтернатива» явно не нравилась немецкому руководству и в рейхе старались всячески продемонстрировать свое к этому негативное отношение.

Более того, в противовес возможной военной помощи Запада, стала усиливаться и информация о готовящейся военной поддержке Финляндии со стороны Германией. Так, тогда появились устойчивые сведения о существующей как бы перспективе оказания Германией быстрой и действенной помощи Финляндии. Посланник в Стокгольме Э. Эркко 3 февраля 1940 г. направил личное донесение министру иностранных дел В. Таннеру, где проинформировал его о существовавших в шведском руководстве представлениях, что «Германия все таки будто бы планирует вмешательство в финские дела и предпринимает усилия, чтобы прекратить конфликт между Финляндией и Советским Союзом». При этом, по взглядам шведской стороны, настроения в рейхе становились весьма радикальными и, более того, на Балтийском море, в районе Кенигсберга уже началась концентрация войск для переброски их затем в Финляндию. Ссылаясь на разговор со шведским министром иностранных дел К.

Гюнтером, Эркко подчеркнул, что «финская война сильно мешает Германии и ее планам», хотя в действительности Берлин выступает «за помощь Финляндии в войне против Советского Союза» и стремится в стратегическом плане «контролировать Юго-Западную Финляндию» /54/.

Показательным же во всей этой информации было то, что особо подчеркивалась необходимость Германии получить от финского руководства «гарантии, что союзники (Англия и Франция. - В.Б.) не смогут помочь Финляндии» /55/. Из других сообщений, которые именно тогда стали поступать в Хельсинки, становилось известно, что немецкое руководство также еще советует «продержаться до июля либо путем противостояния, либо с помощью перемирия», а рейх «с победой на Западе осуществит поворот в своих действиях, направив их против Востока» /56/. Иными словами, подобными сведениями Хельсинки предлагалось сделать выбор и определиться на дальнейшую перспективу борьбы против СССР, опираясь на немецкую военную мощь.

Тем временем, обстановка в ходе войны начала коренным образом меняться. В феврале 1940 г. советское командование, сконцентрировав на Карельском перешейке значительное количество войск, отдало приказ о начале решительного наступления. Это наступление очевидно должно было закончиться разгромом финских войск. Резко обострившуюся ситуацию на фронте достаточно верно мог фиксировать немецкий посланник В. Блюхер, который прямо указывал в своих мемуарах, что «в феврале военная обстановка изменилась» и «военное и государственное руководство пришло к заключению, что у Финляндии слишком мало людей, чтобы противостоять России» /57/. Чуть позже лица близкие к правительству страны уже открытым текстом начали ему говорить: «Война проиграна. Русские прорвались сквозь линию Маннергейма» /58/.

При таком повороте в Берлине стали понимать, что для Финляндии наиболее выгодным становится уже постараться, как можно раньше, завершить войну, добившись мирного уре-

гулирования с Советским Союзом. Но стать реальным посредником в деле достижения мира Германия все же не собиралась. Слабые попытки немцев взять на себя роль миротворца явно не давали желаемого результата. Более того, было «совершенно ясно, что Москва не хотела позволить Германии действовать от имени Финляндии» /59/.

Показательным становилось еще и то, что Берлин явно уклонялся от какого-либо давления на советское правительство с целью помочь Финляндии смягчить условия возможного мирного договора /60/. Это происходило, несмотря даже на то, что финское руководство всячески пыталась довести до сведения рейха, что «Советский Союз в ультимативной форме выдвинул свои требования, которые невозможно принять» /61/.

С другой стороны, Германия, наоборот, явно начала подталкивать финское руководство к активизации поиска пути достижения мира, подчеркивая лишь одно: «Договоренность возможна, если Финляндия готова на уступки» /62/. Иными словами, в Берлине склонны были бы согласиться поддержать идею окончания войны, но при этом сами особо не собирались участвовать в процессе мирного урегулирования и, очевидно, не предполагали оказывать какую-либо серьезную дипломатическую поддержку Финляндии. Во многом это было связано еще и с тем, что откровенно пока опасались всего того, «что могло бы вызвать раздражение или подозрение в Москве» /63/. Даже А. Гитлер позволил себе тогда сделать заявление, что советские требования в отношении Финляндии «являются естественными и умеренными». Он прямо подчеркнул: «Вопрос стоит о территории (передаваемой Финляндией СССР. - В.Б.), которая прежде принадлежала русским» /64/. Эти слова являются весьма показательными, поскольку, буквально через несколько месяцев, Германия уже будет активно провоцировать финское руководство на возвращение утраченных ей в ходе войны этих территорий.

Что же касается непосредственного выражения немецкими дипломатами своего отношения к советским мирным предложениям, то их позиция была изложена Молотову 5 марта

1940 г. Именно тогда нарком сообщил Шуленбургу основные советские условия достижения мира, переданные финляндскому руководству /65/. Реакция германского посла была весьма показательной. Он, не колеблясь отнесся к полученным сведениям однозначно благожелательно. Шуленбург сказал Молотову, что «финны, конечно, должны ухватиться за это согласие советского правительства» начать мирные переговоры /66/.

Важной в ходе этой беседы, как представляется, стало, однако, не это, вполне удовлетворяющее советское руководство заверение, а другая мысль, которую Шуленбург, не удержавшись, произнес. Он сказал Молотову еще явно пророческие слова, на которые, очевидно, в Москве даже тогда не обратили особого внимания. Немецкий посол «шутливо» спросил: «Только как же с линией Маннергейма, другую придется строить?» /67/. Так, возможно, невольно Шуленбург указал на тот путь, которым явно стремились воспользоваться в своих отношениях с Финляндией в Берлине в дальнейшем, уже после окончания «зимней войны».

С другой стороны, показательным являлось и то, что нацистское руководство принялось еще явно оказывать давление на финнов с тем, что бы в Хельсинки согласились с советскими требованиями в отношении окончания войны. Германия начала отчетливо демонстрировать финскому руководству мнение, что наступило именно то время, когда следует прекращать войну. Более того, в рейхе стали уже торопить Финляндию с принятием решения. Как сообщил В. Таннер на заседании государственного совета, «во всяком случае Германия заинтересована в окончании сражений в Финляндии до того как союзники успеют добиться принятия их предложений» /68/. Именно тогда, 22 февраля 1940 г., Геринг и высказал финскому высокопоставленному представителю Т. Кивимяки мысль, что «мир надо заключить даже на тяжелых условиях, а потери можно будет возратить в будущем» /69/. Характерно, что подобные заявления финским дипломатам делали и другие представители Третьего рейха /70/. Вообще, то, что в это время Германия счи-

тала необходимым для Финляндии подписать с Советским Союзом мирный договор, было известно даже противникам немцев по мировой войне. Французский посланник в Хельсинки прямо заявил тогда В. Таннеру, что «если Финляндия приступит к переговорам о мире, это будет рассматриваться как ее окончательный переход на сторону Германии» /71/.

В этой ситуации финляндскому руководству как раз и следовало принимать соответствующие решения, от которых и должна была зависеть будущая внешнеполитическая перспектива.

Важным теперь представляется выяснить, как отнеслись к высказанной идее в финских верхах. Из имеющихся сейчас достоверных данных известно, что первому, кому Т. Кивимяки сообщил сведения о своих переговорах в Германии, был премьер-министр Р. Рюти. Финский дипломат еще из Берлина направил ему соответствующую телеграмму, с которой затем глава правительства ознакомил еще министра иностранных дел В. Таннера /72/. Кроме того, в ночь с 26 на 27 февраля, в момент уже переезда из Германии через территорию Швеции в Финляндию Кивимяки имел встречу в Стокгольме с Таннером, который тоже здесь в это время находился. В ходе состоявшейся тогда между ними беседы, естественно, также обсуждались результаты, достигнутые в ходе немецких переговоров. Как указывает в своих мемуарах В. Таннер, он с ним тогда «проговорил два часа» и Кивимяки сообщил, что «все с кем он встречался, советовали нам заключать мир, даже на жестких условиях». При этом финский посланец особо подчеркнул, что немецкие представители ему прямо говорили, что «при любом повороте событий... как только закончится большая война, будет шанс вернуть все отданные территории» /73/.

Иными словами, Кивимяки, возвращаясь из Германии, был явно окрылен раскрывающимися для Финляндии перспективами. Это не мог не почувствовать Таннер, поскольку они вместе возвращались в Финляндию, и как он затем отмечал в своих воспоминаниях, Кивимяки «по дороге... убежденно высту-

пал в пользу достижения мира», поскольку, по его мнению, «у нас нет другого пути» /74/.

Однако, ни Таннер, ни Рюти не стали афишировать переданную им информацию. Сведения о том, что говорил Геринг по поводу перспектив вернуть утраченные Финляндией территории в будущем, не стали достоянием гласности. Не узнал сразу об этом в частности К. Г. Маннергейм /75/. Не знали о полученной информации и в аппарате финского МИДа. Как отметил в своих мемуарах начальник политического отдела финского министерства иностранных дел А. Пакаслаhti, ему «об этом деле стало известно только после Московского мира» /76/.

Все говорило о том, что два человека, которые в первую очередь получили из Германии сведения о возможностях, открывшихся для Финляндии в случае быстрого заключения мирного договора, пока решили не выносить на публичное обсуждение. Это, вероятно, было связано с тем, что как Р. Рюти, так и В. Таннер явно еще сомневались в готовности руководства Финляндии отказаться от планов получения помощи со стороны Запада. Они также не были уверены в способности правительства страны пойти «на тяжелый мирный договор» с СССР. Поэтому, Рюти сказал тогда Кивимяки: «Для решение этой задачи момент не назрел» /77/. К тому же, очевидно, нельзя было вообще открыто говорить об идее реванша, поскольку война еще далеко не была закончена. Таннер мог лишь решиться рассуждать об идее реванша только, когда начались московские мирные переговоры. Но и в это время он предостерегал: «Мысль (реванша. - В. Б.) является такой, которую не следует провозглашать. Думаю, что каждый надеяться, что когда наступит удобный момент, мы возьмем утраченную территорию обратно» /78/.

В целом последующие события показали, что отношение к неофициальному предложению Г. Геринга премьер-министра и министра иностранных дел было весьма серьезным. Показательным в данном плане стало и то, что с этого момента «германский вопрос» становится в руководстве Финляндии все более и более актуальным. Об этом свидетельствовали в част-

ности стенографические записи протоколов заседаниях внешне-политической комиссии правительства Финляндии. На этих заседаниях, проходивших в феврале-марте 1940 г., практически регулярно стала звучать тема, которая в той или иной форме была связана с политикой Германии.

Важным, естественно, было то, как в финском руководстве могли отнестись к предложению, сделанному именно Г. Герингом. По крайней мере, в правительстве с большим напряжением ожидали итогов визита своего эмиссара в Германию. Еще 23 февраля, то есть до получения в Хельсинки отчета Кивимяки, на заседании уже раздавались твердые голоса о том, что «нужно ждать выяснения, что Берлин думает, относительно тех предложений, которые надо принять Финляндии» /79/.

Однако этот отчет прозвучал лишь 28 февраля, хотя еще за три дня до него, «германский вопрос» уже бурно обсуждался членами правительства. Связано это было с тем, что В. Таннер дал им соответствующую справку, относительно того, как Финляндия пыталась добиться «посредничества Германии» в достижении мира и окончания войны с СССР. Тогда же он поведал о телеграмме, полученной от Кивимяки из немецкой столицы, в которой говорилось о его встрече с Герингом. Причем, что представляется интересным, В. Таннер лишь ограничился информацией о том, что Геринг «побуждал к достижению мира». Но не проинформировал об обещаниях, которые в рейхе давали Финляндии в случае ближайшего окончания «зимней войны». Необходимость завершения войны, по словам Таннера, Геринг видел лишь только в том, что помощь Финляндии со стороны «западных держав будет слабой», и более того, «если западные державы направят регулярные войска, то Германия приступит к военным действиям» на севере Европы /80/.

Из этого выступления и последовавшей за ней дискуссии видно, что пока главным для финского руководства было выработать свое отношение к получению военной помощи со стороны Запада, учитывая при этом и позицию Германии. Но в данном случае, однако, стало важным тогда рассуждение премьер-

министра о перспективе войны между СССР и Германией, поскольку в отношениях между ними долго «дружбе не продержатся» /81/. Из этого заявления, таким образом, можно почувствовать, что Рюти, где-то уже стал готовить членов правительства к возможности возникновения войны между Советским Союзом и Германией, что, как раз и открывало потенциал взять реванш за неудачи «зимней войны».

В целом тема общих итогов мировой войны, независимых от результатов советско-финляндской войны становится постепенно достаточно популярной в ходе их дальнейшего обсуждения. Это оказалось наиболее заметно уже в момент отчета самого Т. Кивимяки о своей поездке в Берлин. В выступлении перед членами правительства он тогда объективно донес им мнение нацистского руководства, указав на необходимость Финляндии «проявить мудрость, с тем, чтобы, заключив мир на как можно лучших условиях, ожидать окончания мировой войны». При этом Кивимяки особо подчеркнул, что, по мнению тех, с кем он встречался в Германии, уже «настал тот момент, когда нужно договориться» с СССР об окончании войны /82/.

Любопытно, что идеи этого достаточно неконкретного по своей сути доклада, в котором полностью так и не были изложены взгляды Г. Геринга о возможности финского реванша в будущем, открыто поддержал премьер-министр страны Р. Рюти. Он заявил: «Лучше сохранить армию боеспособной и страну от разрушения, так чтобы можно было бы добиться затем выгоды от происходящего». И далее, он открытым текстом призвал: «Лучше начать восстановление страны от Выборга, чем от Торнио (город на границе Финляндии со Швецией. - В. Б.) /83/. Иными словами, человек, который очевидно в полном объеме владел информацией, полученной от Кивимяки о позиции Германии в отношении проблемы окончания «зимней войны», видел в ней возможную перспективу для будущего своего государства. Таким образом, премьер-министр тогда явно стал проводить мысль среди членов правительства о реванше, который мог бы осуществиться, опираясь на силу Германии.

Что же касается других членов руководства страны, то, очевидно, они не до конца поняли все то, о чем Г. Геринг мог говорить тогда Т. Кивимяки в Берлине. Они лишь почувствовали из выступления дипломата, что Германия может активно воспрепятствовать переброске войск западных союзников на север Европы. Эту мысль к тому же активно развил министр иностранных дел В. Таннер. Тогда он прямо указал, что Финляндия переживает «последний момент, когда мы можем вести переговоры» с СССР. Далее же он сказал: «Сошлюсь на то, что Германия готова вмешаться рывком, если Финляндия не согласится пойти на мир» /84/. Вот именно эти слова в итоге и услышали представители внешнеполитической комиссии правительства.

Оценивая ситуацию, члены комиссии стали указывать на то, что «немцы придут сюда раньше, чем западные державы», а сама «помощь западных держав... будет означает лишь только то, что и Германия станет нашим противником». Более того, подчеркивалось, что «если Германия начнет нас бомбить, это будет иное, чем то, что мы видим теперь и парализует помощь западных держав». При этом, в выступлениях членов комиссии подчеркивалось, что Финляндии «надо помнить о судьбе Польши» /85/. Все эти высказывания, говорили также о том, что в финском руководстве позицию Третьего рейха пытались всесторонне анализировать и учитывать для соответствующего определения своих дальнейших действий.

Но рассуждения о незавидной участи Финляндии в случае, если она станет местом столкновения уже армий великих держав постепенно переходят к тому, чтобы все же следует связать свою судьбу прежде всего с Германией. Это происходит в самом начале марта 1940 г., когда советскими войсками был предпринят штурм Выборга. Именно в этот период, очевидно, для Рюти и Таннера наступило время, когда стоило уже вспомнить о словах Г. Геринга, высказанных Т. Кивимяки.

В данном плане перемены в отношении к Германии наиболее отчетливо можно было наблюдать в период дискуссии, ко-

торая разгорелась в правительстве 3 марта. Тогда был откровенно поставлен вопрос: «Возможно ли вообще официально повернуть на сторону Германии?» /86/. И ответ министра иностранных дел В. Таннера был по своей сути ошеломляющим. Он сказал: «Я не понимаю предложения о том, чтобы мы перешли на сторону Германии. Мы этим занимаемся уже со второй половины декабря...» /87/.

Однако такое заявление несколько не обескуражило членов правительства. Наоборот там считали, что действия внешнеполитического ведомства страны в этом отношении не носят эффективный характер. Поэтому хор голосов, относительно необходимости «занять немецкую сторону» после выступления В. Таннера только усилился. Военный министр Ю. Ниукканен вообще предложил передать немцам, за предполагаемую Германией поддержку Финляндии «в качестве платы Аландские острова», сказав, что «это будет мстостью западным державам и Швеции за их слабую помощь» /88/. Таким образом, в данном предложении уже явно просматривались не просто перспективы межгосударственного сотрудничества, а идея создания германо-финляндского союза, при котором Финляндия была готова за него заплатить частью своей территории. Даже Ю. К. Паасикиви, который считался достаточно лояльно настроенным к СССР государственным деятелем, заявил, что «Германия является единственной страной, которая может что-то сделать в Москве» /89/.

Объективно дискуссия в правительственных кругах выявила весьма примечательную картину. В руководстве Финляндии явно не было большого раскола во взглядах относительно значения Германии для политики страны. Но четко наблюдались две точки зрения относительно ее роли в определении дальнейшего поведения Финляндии. Президент К. Каллио весьма ясно обозначил тогда вскрывшиеся разногласия. Он заметил, что вопрос стоял лишь в том, когда нужно перейти на немецкую сторону: уже немедленно или же тогда, когда Финляндия твердо решит закончить войну и заключит с СССР мирный договор

/90/. Очевидно, при этом, что в любом случае это привело бы к разрыву с западными союзниками, которые реально так и не помогли Финляндии.

При этом, отмечая различия в подходах государственного руководства страны в отношении перспектив дальнейшего сотрудничества с Германией, следует заметить, что они, вероятно, могли быть определены еще и в иной плоскости. Некоторые, кто выступал за переориентацию страны на Германию, видели в ней лишь сильного партнера СССР, который был бы в состоянии повлиять на Сталина и таким образом помочь Финляндии выйти из войны. Другие же рассматривали Германию, как будущего врага Советского Союза, «единственной страной, которая может предоставить помощь» /91/. Второе направление, естественно, могло предполагать в дальнейшем возможность реванша именно с помощью Германии уже в последующей стадии Второй мировой войны.

Но в любом случае не все в руководстве страны были в то время готовы отказаться от возможности добиться получения помощи от Запада. Некоторые весьма влиятельные государственные деятели еще верили в какую-то способность Англии и Франции оказать действенную поддержку Финляндии /92/. Однако эти надежды уже таяли /93/ по мере нарастания военных неудач, связанных с продолжающимся наступлением советских войск на Карельском перешейке. Да и Германия не собиралась сдавать свои влиятельные позиции в Финляндии. Так, 7 марта, в финский МИД пришла тревожная телеграмма, в которой сообщалось, что в Берлине наблюдается очевидное разочарование политикой Финляндии. Как информировалось финское руководство, теперь «у Гитлера нет никакого интереса помогать» Финляндии. Также фиксировалась и «холодность» в отношении финских дел у Геринга. Вывод же в этом документе сводился к весьма пессимистической констатации: «видимо, жесткая позиция Германии [в отношении Финляндии. - В. Б.] говорит об обдуманной тактике» /94/.

Подобные сведения лишь подталкивали Финляндию к

скорейшему подписанию мирного договора с СССР, поскольку именно тогда их делегация уже отправилась в Москву для ведения мирных переговоров. Теперь стало очевидно, что наступает самый критический момент выбора для Финляндии. Запад активно принялся предлагать финскому командованию военную поддержку, оперативно пытаясь связаться по этому поводу с руководством страны, прибегая даже к прямым телефонным переговорам. Германия же наоборот ни каким образом не стремилась влиять на СССР в целях смягчить его условия мира. Но эта мало действенная позиция немецких дипломатов казалась теперь для Финляндии даже не особенно существенной. Как отметил в своих мемуарах В. Таннер, Хельсинки беспокоило другое: то, что в рейхе германская разведка может добыть какие-либо сведения о предлагаемой Западом военной помощи Финляндии. Вспоминая о тех критических днях, он пишет: «Эти звонки из Парижа пришли через Германию и были, разумеется, перехвачены там» /95/. В целом, финское руководство сделало свой выбор и, несмотря на массивное давление с Запада, заключило мирный договор с СССР.

Показательным, однако, было то, что достигнутый мир сразу же стал рассматриваться в Хельсинки как «перемирие», то есть как бы «передышкой», которая затем должна была позволить подготовиться, чтобы «поскорее возвратить утраченную территорию обратно» /96/. Это уже, само по себе, стало говорить о том, что в руководстве изначально рассчитывали условия договора отвергнуть, то есть готовились к новой схватке с СССР. Очевидно при таком подходе Финляндии у нее должен был быть влиятельный в военном отношении партнер. Учитывая стремительность, с которой заключался мир, а также безусловность в отказе от перспективы военной поддержки со стороны Англии и Франции, становится понятно, что только нацистская Германия могла здесь рассматриваться, как наиболее подходящая в данном отношении страна.

Тем самым роль Берлина в принятии финским руководством окончательного решения о выходе из войны трудно

недооценить. Фактически, идя на подписание мирного договора с Советским Союзом, финское руководство учитывало именно позицию рейха, основанную на необходимости заключения мира. Не случайно, поэтому высокопоставленный финский генерал П. Талвела уже в декабре 1940 г., когда встречался в Берлине с Г. Герингом, отметил это сказав: «Война [1939 - 1940 гг. - В. Б.] все-таки вовремя закончилась и мир был заключен в не меньшей мере благодаря Вашему совету, который господин рейхсмаршал дал нам через министра Кивимяки» /97/.

Показательным также стало, что Т. Кивимяки сразу же после окончания «зимней войны» получил назначение посланника в Берлин. Причем прежнего главу миссии Финляндии в Германии А. Вуоримаа в финском руководстве теперь считали неподходящим там для дипломатической работы. У него, как было сказано в аналитических документах МИДа, «не было никаких предпосылок для того, чтобы сближать и укреплять внешнеполитические отношения между Германией и Финляндией» /98/.

Действительно, ситуация после подписания мира в Москве начала меняться, а Германия становилась тем самым гарантом перспективы возможного реванша, о котором уже говорили в правительстве страны еще в годы «зимней войны» и к которому в Финляндии затем на протяжении всего так называемого «перемирия» 1940 - 1941 гг. явно стремились. Более того, тогда достаточно скоро прошли тайные финско-немецкие военные переговоры, которые закончились подключением страны к плану «Барбаросса».

Саму же новую войну, начавшуюся в июне 1941 г., в Хельсинки назвали «войной-продолжения», что уже, само по себе, явно говорило о ее прямой связи с предшествующей ей «зимней войной» /99/. В этом плане далеко не случайным выглядит объяснение Финляндии в 1941 г. целей участия в «войне-продолжении». В ноте, направленной 11 ноября в финские зарубежные дипломатические представительства, руководство страны прямо констатирует: «Финляндия стремится обезвредить

и занять наступательные позиции противника, в том числе лежащие далее границ 1939 года». Далее же следует уточнение: «Было бы действительно необходимо для Финляндии и в интересах действенности ее обороны предпринять такие меры уже в 1939 году во время первой фазы войны, если бы только силы были для этого достаточны» /100/.

Следовательно, прав был финский профессор Х. Юликангас, который отметил, что Германия сыграла в целом одну из наиболее важных ролей в окончании войны 1939 - 1940 гг., поскольку, выяснив ее позицию, «Финляндия пошла на перемирие с тем, чтобы затем быстро и с полной определенностью присоединить к своей территории Карелию» /101/.

1. Ueberschär G. Hitler und Finnland 1939-41. Die deutsch finnischen Beziehungen während des Hitler-Stalin-Paktes. Wiesbaden. 1978; Menger M. Deutschland und Finnland im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988; Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. Keuruu, 1975; Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. Juva, 2001; Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны» // Профессор Зинаида Михайловна Дубровина. 50 лет научно-педагогической деятельности. СПб., 2004.
2. См.: Tanner V. Olin ulkoministerina talvisodan aikana. Hels., 1950 (Пер. на русск. яз.: Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939 - 1940. М., 2003.); Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. Porvoo, 1950; Kivimäki T. M. Suomalaisen poliitikon muistelmat. Porvoo-Hels., 1965; Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. Os. I. Talvisota. Porvoo-Hels., 1958; Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. Keuruu, 1967; Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. Hels., 1984.
3. См.: Ylikangas H. Kysymyksiä ja vastauksisia koskien talvisodan rauhaa // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 2. S. 244 - 248; Manninen O. Väli rauha - olemassaolon säilyttämiseksi // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 1. S. 96 - 102; Manninen O. Yhden kortin varaan ei voitu heittäytyä // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 2. S. 249 - 256; Seikko E. Professori Ylikangas ja talvisodan rauha // Historiallinen Aikakauskirja.

2004. N 1. S. 103 - 106; Häikö M. Lähdekritiikkiä Ylikankaalle Göringistä ja talvisodasta // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 1. S. 107 - 110; Eskola S. Professori Ylikankalle // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 2. S. 256 - 257.

4. Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 147.
5. Kivimäki T. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 128.
6. См.: Барышников В. Н. От прохладного мира к зимней войне. Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 112 - 139.
7. Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1998. S. 53.
8. Ibid. S. 54.
9. Ibidem.
10. Vehvilänen O. Finland in the World War. Between Germany and Russia. Chippenham. 2002. P. 57.
11. Kansallisarkisto. AA StS, Finnland, 2.12.1939. Bd. 1, B. 0031197; Documents on German Foreign Policy. Ser. D. Vol. VIII. Washington, 1954. P. 479.
12. Vehvilänen O. Finland in the World War. P. 67.
13. Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 139.
14. Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 172; Kivimäki T. Suomalaisen poliitikon muistelmat. S. 124.
15. См.: Барышников Н. И. Этапы сближения и сотрудничества К. Г. Маннергейма с Г. Герингом // Военно-исторический журнал. 2005. № 8. С. 30 - 35.
16. Kivimäki T.M. Suomalaisen politikon muistelmat. S. 124 - 125.
17. Цит. по: Peltovuori R.O. Saksa ja Suomen talvisota. S. 69.
18. Ibid. S. 73 - 74; Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 60; Kivimäki T.M. Suomalaisen politikon muistelmat. S. 124.
19. Manninen O. Väli rauha - olemassaolon säilyttämiseksi. S. 100.
20. Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 61.
21. См.: Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны». С. 87 - 88.
22. Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 60; Peltovuori R.O. Saksa ja Suomen talvisota. S. 70.
23. Kivimäki T.M. Suomalaisen politikon muistelmat. S. 125.
24. Ulkoasianministerion arkisto (UM). 109, G 1. Erkon kirje Tukholmasta Tannerille. Tukholma, 24.12.1939; 109, B6. Sähkösanoma Tukholmasta

- UM:II, 24.12.1939.
25. Ibid. 109, C2e. Sähkösanoma Tukholmasta UM:II, 23.12.1939.
26. Безыменский Л. Великая Отечественная в... 1940 году // Международная жизнь. 1990. № 8. С. 115.
27. Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 200.
28. Rautkallio H. Kansakunnan syllisyys. Talvisotaan 1939 - 1940. Hels.-Juva, 2002. S. 244; Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty. Hels., 1972. S. 167.
29. См.: Rautkallio H. Kansakunnan syllisyys. Talvisotaan 1939 - 1940. S. 244.
30. UM. 109, G 1. Erkon kirje Tukholmasta Tannerille. Tukholma, 27.12.1939.
31. Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 66 - 67; Kivimäki T.M. Suomalaisen politikön muistelmat. S. 127 - 128.
32. Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 67.
33. Вехвиляйнен О. Первые шаги к компромиссу // Зимняя война 1939 - 1940. Политическая история. М., 1999. С. 241.
34. Documents on German Foreign Policy 1918 - 1945. V. VIII. P. 614; Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 171; См. также: Metzger H. Kolmannen valtakunnan edustajana talvisodan Suomessa. S. 118.
35. Цит. по: Vilkuна К. Hitler marsalkan 75-vuosipäivillä // Uusi Kuva-lehti, 1954, 5. 11.
36. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939 - 1940. С. 160.
37. UM. 109, G 1. Erkon kirje Tukholmasta Tannerille. Tukholma, 27.12.1939.
38. Барышников В. Н. К вопросу о германской военно-политической помощи Финляндии в начале «зимней войны». С. 90.
39. См.: Барышников В. Н. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939 - 1940 гг. // История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения профессора Э. Д. Фролова. СПб., 2008. С. 427 - 455.
40. Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 93.
41. Wuorimaa A. Lähettiläänä Hitlerin Saksassa. S. 140.
42. См.: Зимняя война 1939-1940. Политическая история. М., 1999. С. 266.
43. Liddell Hart B.H. History of the Second World War. L., 1973. P. 54.
44. Ibid. P. 52.
45. Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 92.
46. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939 - 1940. С. 160.
47. Там же. С. 162.
48. См.: Документы внешней политики. Т. XX. Кн. 1. М., 1995. С. 25; Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 83 - 88; Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 171 - 173; Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 139 - 140.
49. UM. 109, B 6. Sähkösanama Koopenhaminasta UM:lle, 13.01.1940; Sähkösanama Pariisista UM:lle, 14.01.1940; Sähkösanama Lontoon UM:lta, 17.01.1940.
50. Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 183.
51. Документы внешней политики. С. 51; Documents on German Foreign Policy 1918 - 1945. P. 708.
52. UM. 109, B 6. Ulkoministerin lausunto, 11.02.1940.
53. Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 90.
54. UM. 109, G 1. Yksityinen E. Erkon raportti V. Tannerille. Tukholma, 3.02.1940
55. Ibidem.
56. Manninen O. Väli rauha - olemassaolon säilyttämiseksi // Historiallinen Aikakauskirja. 2004. N 1. S. 98.
57. Blütcher W. Suomen kohtalonaikojä. S. 185.
58. Ibidem.
59. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939 - 1940. С. 162.
60. См.: Paasikivi J. K. Toimintani Moskovassa ja Suomessa 1939-41. S. 139 - 140.
61. UM. 109, B 6. Sähkösanama UM:lta Romaan, 25.02.1940.
62. Ibid. Ulkoministerin lausunto, 11.02.1940.
63. Зимняя война 1939 - 1940. Политическая история. С. 339.
64. Цит. по: Там же. С. 350.
65. Documents on German Foreign Policy 1918 - 1945. P. 882.
66. Документы внешней политики. С. 132.
67. Там же; Documents on German Foreign Policy 1918 - 1945. P. 882.
68. Цит. по: Nevakivi J. Apu jota ei pyydetty. S. 167.
69. Цит. по: Peltovuori R. Saksa ja Suomen talvisota. S. 110.

70. См.: Ibid. S. 107, 109; Menger M. Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. S. 66 - 67; Manninen O. Väli rauha - olemassaolon säilyttämiseksi. S. 97.
71. Цит. по: Зимняя война 1939 - 1940. Политическая история. С. 339.
72. Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 194; UM. 109, В 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 25.02.1940.
73. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939-1940. С. 230.
74. Там же. 238.
75. См.: Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 202.
76. Pakaslahti A. Talvisodan poliittinen näytelmä. Porvoo-Hels., 1970. S. 244.
77. Kivimäki T.M. Suomalaisen politikon muistelmat. S. 126.
78. Цит. по: Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 228.
79. UM. 109, В 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 23.02.1940.
80. Ibid. Istunto 25.02.1940.
81. Ibidem.
82. Ibid. Istunto 28.02.1940.
83. Ibidem.
84. Ibidem.
85. Ibid. Istunto 1.03.1940; 3.03.1940.
86. Ibid. Istunto 3.03.1940.
87. Ibidem.
88. Ibidem.
89. Ibidem.
90. Ibidem.
91. Ibidem.
92. См.: Ibidem.
93. См.: Барышников В. Н. К проблеме участия Англии и Франции в советско-финляндской войне 1939 - 1940 гг. С. 452 - 454.
94. UM. 109, В 6. Sähkösanama Tukholmast UM:lle, 7.03.1940.
95. Таннер В. Зимняя война. Дипломатическое противостояние Советского Союза и Финляндии 1939 - 1940. С. 317.
96. См.: UM. 109, В 6. Muistipanoja ulkoasiainvaliokunnan hallituksen kokouksesta. Istunto 12.03.1940.
97. Цит. по: Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 231.

98. UM. 12 K.
99. См.: Ylikangas H. Kysymyksiä ja vastauksia koskien talvisodan rauhaa. S. 248.
100. UM. 12 L. Sähkö Suomen ulkomaan edustajastoille 11.11.1941: Ankara, Berlin, Berne, Bucarest, Budapest, Madrid, Vichy, Rome, Stockholm, Washington, Tokio (подробно см.: Барышников Н. И. Блокада Ленинграда и Финляндия 1941 - 1942. СПб. - Хелс., С. 142 - 145).
101. Ylikangas H. Tulkintani Talvisodasta. S. 148.